

Северная империя сильно отличалась от империи Святого Виоса, расположившейся в центре континента.

— Прохладно.

— Да, в Виосе лето еще не кончилось.

Благодаря благоустройству Имперского города, холод практически не ощущался, при том, что южане более восприимчивы к холоду. Но мне-то что! Корейцы, в большинстве своем, хорошо переносят жару и холод.

— Апчхи!

Увы, телом я больше не была корейкой. Я слаба.

— Досадно. Досадно осознавать, что меня может одолеть холод...

На улице была плюсовая температура! Но у меня все равно покраснел нос и щеки, а кулаки уже невозможно было разжать.

Люциана рассмеялась:

— Вот почему я просила вас надеть нормальную шубу.

На ней была белая шуба из куницы, от которой я отказалась, потому как мне казалось, что будет совсем не холодно. Обидно.

— Раньше я в такую погоду спокойно играла на улице!

— Понятное дело. Но вы очень ценный человек, вам нужно оставаться в тепле.

— Это потому что я святая? — спросила я, немного надувшись.

Люциана снова засмеялась.

— Нет, потому что вы мне очень дорога.

Я хихикнула, когда она погладила меня по голове. Было приятно получить внимание от симпатичного мне человека.

— Пока остановимся тут? — спросила она.

Я оглядела сад и кивнула.

— Хочу увидеть папу.

— Его величество очень занят.

— Хм, — нахмурилась я.

— Он так сильно вам нравится? — спросила Люциана.

Я кивнула.

— А вы его не боитесь?

— Вовсе нет.

Люциану рассмешил мой ответ.

— Правда!

— Да, да, — сказала она неискренне. Было ясно, что она мне не верит.

Как таковых причин бояться Мильтиадеса не было. Будь он сумасшедшим, это была бы уже другая история.

«...Но он ведь не сойдет с ума».

— Какой в этом смысл? Он хочет объявить принцессой ребенка, который не пойми откуда родом! — Мы с Люцианой повернулись в сторону, откуда раздавался громкий голос.

Мужчина с иссиня-черными волосами кричал:

— Я не собираюсь просто смиряться с этим! Вы что, не понимаете, что это равносильно тому, чтобы взять, подкупить и посадить на трон не пойми кого?

Никак того не ожидавшая, Люциана прикрыла мне уши. Я вцепилась в ее руки, продолжая слушать мужчину.

— Я согласен с герцогом Рейвенхуком! О чем только думал Его величество?

— И я о том же. Он оставил нас, когда в империи творилось настоящее зверство, а теперь, видите ли, привел с собой святую.

— Думаете, он заключил сделку с империей Святого Виоса? — Дворяне замерли в удивлении.

— А чему вы удивляетесь? Поразмыслите: мы не видели святых три тысячи лет, а тут откуда ни возьмись нарисовалась одна. Все это очень сомнительно.

— То есть вы хотите сказать...

— Святая ли она вообще?

Но я и в правду была святой. Их слова не задевали меня, ведь я с легкостью могла доказать обратное. Мне лишь стало любопытно: зачем обсуждать подобные вещи в месте, где их запросто могли подслушать? Хотели привлечь внимание? Или хотели, чтобы я лично услышала их мнение?

— Сдается мне, что она — самый обычный ребенок, которого притащили сюда и решили называть святой.

В воздухе повисла неловкость от подобного богохульства, но никто не осмелился открыто отрицать сказанное. Уж где и была настоящая проблема, так это рядом со мной.

— Успокойся... успокойся, Люци!

Я быстро обхватила ее за ноги, прежде чем она успела сделать что-нибудь необдуманное.

— Отпустите, святая. Вы же послушаете меня, правда?

Люциана улыбнулась, но глаза ее говорили об обратном. Было ясно, что она больше не в силах это терпеть.

— Люци, ты злишься?

— Не злюсь. Это подобающая реакция не как представителя Священной Империи, а как вашей верной слуги.

— Значит, сердисься.

Люциана снова улыбнулась мне, и я улыбнулась ей в ответ.

— Ты не можешь так поступить, — сказала я.

Она молчала.

— Ты же должна подавать мне хороший пример.

От моих слов Люциана, будто воздушный шарик, сдулась.

— Святая...

Люциана сделала шаг назад. Я вздохнула с облегчением.

— Не волнуйся, я сама расправлюсь с ними, — успокоила я ее.

Неужели она и впрямь думала, что я так просто это оставлю?

Наш разговор привлек внимание дворян, и теперь их взгляды были устремлены на меня. По правилам благородства, я должна была проигнорировать их слова, словно это все пустяки. Но я бы уже не смогла нормально засыпать по ночам, поступи я так.

Я взглянула на человека, который говорил обо мне гадости. В ответ он скорчил рожу.

— Похоже, вы так и не научились хорошим манерам, раз подслушиваете чужие разговоры.

— О чем вы? У меня всего-навсего прекрасный слух. — Я повернулась к Люциане.

— Люци, разве я сделала что-то дурное?

— Никак нет, Святая.

— Слышали?

Я гордо подняла голову, глядя прямо на мужчину. Он сморщился. Затем я спросила:

— А не ваш ли отец умер в возрасте тридцати лет?

<http://tl.rulate.ru/book/40436/1665179>